

Вступление

Парадоксы родительства

Зачем мы заводим детей и становимся родителями? Забота о детях — дело хлопотное и утомительное, но тем не менее многим из нас это приносит огромное удовлетворение. Почему? Почему растить детей — важное дело и достойная задача, ради которой стоит жить?

Самый распространенный ответ, особенно у отцов и матерей из среднего класса, таков: ты становишься родителем, чтобы заниматься так называемым родительством (*parenting*) — то есть “выращиванием ребенка”*. Это словосочетание описывает не просто занятие, но своего рода работу. Ее цель — каким-то образом изготовить из ребенка взрослого, который будет счастливее и лучше, чем если бы его *не* “выращивали”, или же (но об этом мы говорим только шепотом) он будет лучше, чем дети соседей. Считается, что

* Термин *parenting* в современном английском языке употребляется в значении, наиболее близком к русскому слову “воспитание”. Однако термин “воспитание”, постоянно использовавшийся в специальной литературе в 1950-х — 1980-х годах, в настоящее время употребляется все реже. В то же время слово “родительство” сегодня активно живет в обсуждениях, практических советах, личных беседах современных родителей и означает именно ту модель воспитания, которую критикует автор. Поэтому здесь и в дальнейшем мы будем дословно переводить английский термин *parenting*. — *Примеч. науч. ред.*

в результате “правильного” родительства выращиваются правильные дети, из которых со временем выйдут правильные взрослые.

Конечно, иногда слово “родительство” используется для описания того, чем родители *и в самом деле* занимаются. Но чаще, особенно в наши дни, “родительство” подразумевает нечто, чем родителям *нужно* заниматься. На страницах этой книги я намерена показать, что такое директивное представление о родительстве в корне неверно, причем как с научной, философской и политической точки зрения, так и с личностной. Это неправильный способ понимания того, как мыслят и действуют дети и родители, и в то же время это ошибочное представление о том, как они *должны* думать и действовать. Такое представление не только не делает жизнь детей и родителей лучше, но и вредит им.

Идея родительства настолько соблазнительна и так широко распространена, что может показаться очевидной, неопровержимой и не требующей доказательств. Однако, хотя родители (включая и родительницу, пишущую эти строки) чувствуют притягательность идеи родительства, но в то же время неосознанно ощущают, что с этой идеей что-то не так^{1*}. Нас беспокоит, что дети недостаточно хорошо успевают в школе, — и при этом мы переживаем из-за того, что нам приходится заставлять их учиться лучше. Мы сравниваем своих детей с детьми знакомых — а потом презираем себя за это. Мы кликаем на любой заголовок, превозносящий или порицающий очередной новый метод воспитания, — а потом заявляем (иногда чуть громче, чем нужно), что сами-то предпочтем в воспитании детей положиться на инстинкт.

Трудиться, чтобы достичь какого-то результата, — хороший паттерн для многих ключевых занятий человека. Он хорошо подходит для плотников, для писателей, для пред-

* Сноски, обозначенные цифрами, принадлежат автору и ведут в конец книги. Постраничные сноски, обозначенные астериском (*), здесь и далее принадлежат редактору, если не указано иное.

принимателей. Легко определить, хороший ли ты плотник, или писатель, или генеральный директор, оценив качество стульев, которые ты делаешь, книг, которые ты пишешь, или чистую прибыль твоей компании. Концепция родительства следует той же модели: родитель в ней предстает кем-то вроде плотника, только цель у него иная — не сработать стол или стул, но, словно предмет мебели, изготовить из ребенка определенный тип личности.

В любом рабочем процессе успех зависит от компетенции. Концепция родительства подразумевает, будто существует некий набор умений и навыков, освоив которые, родители смогут сформировать жизнь своих детей. Возникла довольно значительная индустрия, которая обещает обучить родителей этим необходимым навыкам. В разделе *Parenting* на сайте *Amazon* значатся около 60 000 книг, и в названиях большинства из них обязательно есть намек на практическое руководство — “как добиться того-то и того-то” (*how to*).

Конечно, многие такие книги и в самом деле дают практические советы о том, как быть родителями. Но подавляющее большинство обещает, что, если родители осvoят правильные методы, они смогут существенно изменить к лучшему жизнь и будущее ребенка.

Однако модель родительства обнаруживается не только в подобного рода практических руководствах: она в целом определяет наши представления о развитии детей как таковом. Поскольку моя специальность — психология развития, я пытаюсь понять, как устроены сознание и внутренний мир ребенка и почему они устроены именно так, а не иначе. И все равно — едва ли не каждый, кто брал у меня интервью о “науке детства”, рано или поздно задавал неизбежный вопрос: что же все-таки *должны делать* родители и какие плоды это принесет в долгосрочной перспективе.

Кроме того, концепция родительства — постоянный источник тревог и печалей для родителей, особенно для матерей. Эта идея подливает масло в огонь бесконечных свар

в бесчисленных “мамских чатах”. Если мы принимаем идею, что родительство — это своего рода работа, значит, мы должны выбирать между этой работой и другими (то есть собственно работой). Именно матери в этой ситуации вынуждены без конца защищаться и конфликтовать по поводу того, можно ли быть успешным родителем и при этом успешно делать карьеру; они чувствуют, что их заставляют выбирать: либо перестать настаивать на важности материнства, либо отказаться от карьеры. Впрочем, тот же выбор встает и перед отцами, и это выбор еще более сложный, потому что он гораздо реже обсуждается.

Отчасти в результате всего этого возник противоположный импульс — отрицание важности родительства, все эти иронические воспоминания, в которых женщины смущенно признаются, что материнство вызывало у них смешанные чувства. В конце концов, если родительство — это тоже своего рода работа, цель которой — изготовить еще одного благополучного взрослого, то получается, что работа это незавидная: бесконечный рабочий день и никакой оплаты, не говоря уже о постоянном перетаскивании тяжести. А при этом двадцать лет подряд вы понятия не имеете, хорошо ли сделали свою работу, — уже один этот факт рашатывает вам нервы и наполняет чувством вины. Однако если быть родителем — не работа, то зачем мы это делаем? Если цель не в том, чтобы создать определенную разновидность взрослого, то в чем она?

Я и сама одна из этих тревожных работающих родительниц из среднего класса, так что я всю жизнь ощущала и притягательность модели родительства, и ее противоречивость. Трое моих сыновей уже выросли, у них все хорошо, они в достаточной степени счастливы и успешны и уже начали обзаводиться собственными детьми. Однако я ловлю себя на том, что до сих пор постоянно задаю себе вопрос: отвечаю ли я за их сегодняшнюю жизнь со всеми ее плюсами и минусами? И меня ли они должны благо-

дарить за нее? Не проявляла ли я чрезмерную опеку, когда ежедневно провожала своего восьмилетнего младшего сына до самой школы? Или, может быть, была слишком небрежной и невнимательной, когда на следующий год перестала это делать? Я хотела, чтобы мои дети сами выбрали свой путь и самостоятельно познавали себя и раскрывали свои таланты. Но, может быть, я должна была настоять, чтобы мой старший сын закончил колледж, а потом уже пытался стать музыкантом? Я была уверена — и уверена в этом до сих пор, — что обычная хорошая школа — лучшее место для любого ребенка. Но, когда оказалось, что старшие сыновья не приживаются в обычной средней школе, должна ли я была отправить их в платную частную школу в пригороде, как поступила с младшим? Надо ли было заставлять младшего выключать компьютер и брать в руки книгу — или пусть его осваивает программирование? Как мне было добиться того, чтобы у “одаренного” среднего хватало времени на игры и на домашние задания и чтобы он еще успевал на уроки балета и к репетитору по математике? Ну и наконец, самый сложный вопрос. Я развелась, когда мой младший окончил среднюю школу. Правильно ли я поступила? Может, мне надлежало сделать это раньше или позже — или вообще не разводиться?

Мой профессиональный опыт и познания психолога совершенно не помогают ответить на эти вопросы, и тут мне не легче, чем остальным родителям. Осмысляя свой почти сорокалетний материнский стаж, я прихожу к выводу: скорее всего, правильных ответов не существует — просто сами вопросы поставлены неверно.

Задумываясь о собственном опыте воспитания детей, недолго преисполниться скепсиса по поводу “родительства”. Однако и при взгляде на других родителей и их детей идея родительства тоже не кажется привлекательной. В конце концов, мое поколение — заботливо воспитанные и процветающие бэби-бумеры — вовсе не кажутся каким-то принци-

пиальным улучшением по сравнению с “Великим поколением” наших родителей, выросших в трудные годы Великой депрессии и Второй мировой войны. И все мы знаем примеры того, как из детей с ужасным детством вырастают прекрасные взрослые и любящие родители, — и примеры того, как у замечательных родителей вырастают трагически несчастные дети.

Самый веский и душераздирающий аргумент против модели родительства приходит на ум, если вспомнить о родителях детей, которым не суждено было вырасти. В 2011 году Эмили Рэпп написала чрезвычайно трогательную и часто цитируемую статью о своем сыне Ронане². Она знала, что ее мальчик, страдавший болезнью Тея-Сакса (ранней детской амавротической идиотией), не доживет и до трех лет. Эмили горячо любила сына, и, хотя ему не суждено было вырасти, мы всем сердцем чувствуем, что Эмили и другие подобные ей родители — ярчайшие примеры того, в чем заключается подлинное материнство и отцовство.

Очень важно понять, почему заводить детей и растить их — дело, ради которого стоит жить. Тревоги и сомнения родителей и детей часто проходят по ведомству “стиля жизни” и “мамских чатов”. Однако в этой книге я намерена показать: эти повседневные тревоги отражают подлинные и глубокие аспекты человечности, органически присущие нам просто потому, что мы люди. С точки зрения биологии наше уникальное долгое детство, в течение значительной части которого ребенок совершенно беспомощен, и огромный родительский вклад на протяжении всего этого детства — ключевая составляющая часть того, что значит быть человеком. Но зачем нужен этот родительский вклад? Почему он возник в ходе эволюции?

Вопрос, почему быть родителем и растить детей — достойное и важное дело, — это вопрос не только личностный или биологический, но также и социальный, и политический. На протяжении всей истории человечества забота

о детях никогда не была исключительным делом биологических родителей — с самого начала она всегда была центральным проектом любого человеческого сообщества. Это верно и сегодня. Например, общественное образование — это тоже в широком смысле забота о детях.

Формы, которые принимала эта забота, постоянно менялись в прошлом и будут меняться в будущем — как и все прочие социальные институты. Если мы хотим в дальнейшем принимать верные решения в этой области, принципиально важно разобраться, в чем же, собственно, заключается забота о детях. Каким должен быть детский сад? Как реформировать бесплатную среднюю школу? Кто должен принимать решения о социальном обеспечении ребенка? Как быть с новыми технологиями? Забота о детях — вопрос не только семьи или науки, это также вопрос политический, и он порождает трения и парадоксы на всех уровнях общества.

Должен существовать способ думать о детях и детстве вне узких практических рамок “как это делается” с одной стороны — или “иронических мемуаров” с другой. Тут могла бы помочь общая картина, которую предлагают наука и философия. Однако я не так давно стала бабушкой и думаю, что, быть может, именно этот новый статус предлагает более подходящую оптику. Быть бабушкой — значит иметь возможность находиться на своего рода эмпатической дистанции от ребенка, одновременно вспоминая чувства той молодой матери, которой ты сама когда-то была (хотя многие скажут, что это был другой человек), и от родительских тревог твоих собственных детей.

Так что эта книга — труд не только ученого и философа, но и бабушки — бабули, как выразилась бы моя собственная еврейская бабушка. Но все же бабули из Беркли, бабули, которая управляет лабораторией когнитивных исследований и между выпеканием оладий с черникой и рассказами о добрых старых временах пишет философские статьи. В прошлом на свете было относительно немного ба-

буль-философов и бабуль-ученых, поэтому я надеюсь, что сочетание этих точек зрения поможет нам понять ценность того, что значит “быть родителем”, и почему это нечто большее, чем “родительство”.

“Родительство” и “быть родителем”

Если родительство — неверная модель, то какая же правильная? “Родитель” — не глагол и не вид работы, и “быть родителем” не значит и не должно означать, что ты стремишься вылепить из ребенка какой-то определенный тип взрослого. На самом же деле быть родителем, заботиться о ребенке — значит быть частью замечательных и уникальных человеческих отношений, участником неповторимого союза любви. В человеческой жизни главное место занимает работа; без нее мы бы не смогли жить. Но, как говаривали и Фрейд, и Элвис (во всяком случае, если верить апокрифам), работа и любовь — вот ради чего стоит жить.

Особый вид любви, которая связана с заботой о детях, присущ не только биологическим родителям; он свойствен всем, кого в американской научной литературе называют “ухаживающим взрослым” (*caregiver*), а в британской — более мягким термином *carer* (“заботящийся”). Эта форма любви не сводится к биологическим узам, однако она — пусть лишь потенциально — есть часть жизни каждого из нас.

Мы понимаем, чем работа отличается от других форм отношений и других форм любви. Быть женой не значит “профессионально работать женой”, быть другом не значит “работать другом”, и мы не “работаем детьми” у своих родителей. Однако именно эти отношения определяют, кто мы есть. Любой человек, живущий полной и счастливой жизнью, вовлечен в такие отношения. И это не просто расхожая философская истина, а одна из тех истин, что глубоко укоренены в нашей биологии.